

Ю.Ю. Комлев,

доктор социологических наук,
профессор (КЮИ МВД России)

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РОССИЙСКОЙ КОРРУПЦИИ С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО НАУЧЕНИЯ

Представлены феноменология, масштаб и специфика коррупции в современной России. Описаны интерпретация и меры противодействия коррупции в методологических рамках теории социального научения.

Ключевые слова: девиантное поведение, коррупция, дифференциальная ассоциация, социальное научение, дифференциальное усиление

The phenomenology, scale and specifics of corruption in modern Russia are presented. The interpretation and measures of counteraction of corruption in a methodological framework of the social learning theory are described.

Keywords: deviant behavior, corruption, differential association, social learning, differential reinforcement

Образ России прочно ассоциируется с тотальной коррумпированностью всех, особенно в высших эшелонах власти. Коррупционные скандалы в Минобороны (дело «Оборонсервиса»), таможенном ведомстве, в Минсельхозе, Минрегионразвития, Минздравсоцразвития (многочисленные дела о растратах), в связи с крупными хищениями в «Российских космических системах» при реализации проекта ГЛО-НАСС, при подготовке саммита АТЭС достигли в последнее время небывалых масштабов и широкой общественной огласки [1,2,3]. Многие российские коррупционеры-компрадоры выводят свои капиталы из страны и бегут на Запад, пользуясь услугами теневого банкинга, что наносит огромный урон федеральному бюджету и национальной безопасности России.

Дела о коррупции сотрясают и правоохранительные органы. Это на шумевшая история с «крышеванием» игорного бизнеса подмосковными прокурорами, и расследования коррупционных схем в тыловом блоке МВД России в связи с реформой ведомства, и др.[4]. По данным российских

исследователей, коррупция и неформальная занятость на рынке сотрудников ОВД получили широкое распространение: от простых подработок до «крышевания» бизнеса и осуществления инвестиционной деятельности. Причем в занятость такого рода вовлечены не только «нижние чины», но и сотрудники более высоких рангов, имеющие относительно высокие доходы. Масштаб этой деятельности стремительно вырос в 2000-е годы: примерно от 3 млрд долл. США в год до 30 млрд (Л.Косалс, 2008; ИНДЕМ, 2005) [5].

Не менее скандальные коррупционные преступления имеют место в региональных и местных структурах власти (в Москве, Санкт-Петербурге, на Дальнем Востоке, в Республиках Кавказа и Поволжья, на юге России). Здесь достаточно примера о хищении около 100 миллионов долларов в результате реализации коррупционной схемы при поставке некачественных труб для отопительной системы Санкт-Петербурга [6]. Подобные факты в системе ЖКХ, отопления, водоснабжения, дорож-

ного ремонта и строительства могут всплыть в любом российском городе.

Руководством страны подобным событиям незамедлительно дается принципиальная оценка. Неслучайно президент России высказался о резонансных коррупционных делах среди чиновников вполне определенно: *«Мы пойдем до конца, невзирая на лица, и в рамках закона»*[7]. Примечательно, что криминальные истории «раскручивают» в СМИ не столько журналисты и оппозиционные блогеры, сколько структуры государства, конкурирующие группы и кланы российского политического класса. Аналитики все чаще именуют этот процесс антикоррупционной кампанией.

Феноменология и история отечественной коррупции описаны в ряде основных работ (В.Ключевского, Н.Коркунова, Б.Чичерина, А.Долговой, Н.Кузнецовой, И.Голосенко, А.Кирпичникова, Я.Гишинского, Ю.Болдырева, Б.Волженкина, В.Лунеева, И.Клямкина, Л.Тимофеева, Г.Саттарова, П.Кабанова, С.Алексеева и многих других).

Коррупция в стране, наряду с другими формами девиантности, начиная с утверждения института «кормления» воевод на Руси, и по сей день чрезвычайно распространена. Неслучайно более 200 лет назад историк Н.М.Карамзин, оценивая ситуацию в стране, писал кратко - «воруют». С тех пор мало что изменилось: один коррупционный скандал сменяется другим, одна антикоррупционная кампания - другой.

Международная исследовательская организация Transparency International, по итогам своих последних оценок, ставит Россию по индексу коррупции на 143 место в мире из 183[7]. Исследования «Левада-Центра» показывают, что российским органам правопорядка доверяет менее трети населения и только 20% доверяют российским судам. 88% опрошенных считают коррупцию главной проблемой страны [7]. Ибо все, как справедливо утверждает Я.И.Гишинский, «упирается в вопрос: кому и сколько нужно заплатить?»[8].

Впрочем, справедливости ради, нужно отметить, что проблема коррупции существует во всех государствах, в том числе в

странах с развитой рыночной экономикой и политической системой. Так, в конце 2011 года опрос «Eurobarometer» выявил, что 74% европейских респондентов считают коррупцию серьезной проблемой.

Исследования «Transparency International» показывают, что если в России средние потери от коррупции в бизнесе составляют — 39%, то в США — 30%[7]. Следовательно, у Запада нет особого морального превосходства перед Россией в плане коррупции верхов, поскольку и там масштабы коррупции, особенно при заключении контрактов в сфере государственных заказов, весьма велики. Кроме того, многие формы коррупционного поведения за рубежом приобрели вполне легальную форму, например система лоббирования коммерческих или политических интересов в органах власти. Вместе с тем в силу определенной культуры законопослушания, менталитета, высокого качества и уровня жизни весьма минимальна раздражающая обывателей бытовая коррупция: люди там взятки клеркам не дают за услуги, которые предоставляет государство.

Российская же коррупция укоренилась по всей вертикали власти, от верхов до низов. Она процветает не только в центральных ведомствах, но и в региональных и местных органах власти. Так, к примеру, опрос *Республиканского комитета по социально-экономическому мониторингу в конце 2012 года по проблеме коррупции в городах и районах Татарстана по представительной выборке объемом 4165 единиц* наблюдения показал ряд характерных результатов. Судя по материалам исследования, годовой объем рынка коррупционных услуг в регионе, рассчитанный на основе анализа личного коррупционного опыта граждан, составляет 22 млрд рублей. Самые большие взятки берут, по мнению участников опроса, в республиканских министерствах и ведомствах, судах, военкоматах, органах местного самоуправления (муниципалитетах). Самыми коррумпированными участниками массового опроса, по понятным причинам, называют сотрудников ГИБДД, медицинских работников, преподавателей вузов. Примечательно, что, наряду со взятками, откатами, широкое распространение в регионе, как счита-

ют местные эксперты, получили распространение такие формы коррупции чиновников, как работа через свои компании: *«уже никто не рискнет брать от кого-либо просто так деньги...сейчас заключаются контракты или выполняются работы для своих ведомств через близкие структуры»*[9].

Исследования и разоблачения фактов коррупционной активности и преступности высокопоставленных российских, региональных и местных чиновников, их подручных меньшего масштаба обнажают лишь одну из вершин айсберга теневой беловоротничковой преступности (white-collar crime. Этот термин был впервые использован Эдвином Сазерлендом в книге «Преступления белых воротничков»(1949) для обозначения преступлений, совершаемых респектабельными людьми высокого социального статуса на своем рабочем месте). Очевидно, что львиную долю преступности белых воротничков в России составляют различные проявления коррупции, сущность которой удачно выразил Дж.Сентуриа, как «злоупотребление публичной властью ради частной выгоды» [8, С.265].

Современная коррупция многолика. Множество форм ее проявления включает: взяточничество, фаворитизм, nepotизм, протекционизм, лоббизм, незаконное присвоение, распределение и перераспределение общественных ресурсов и фондов в личных целях, незаконную приватизацию, незаконную поддержку и финансирование политических структур, вымогательство, предоставление льготных кредитов, заказов, знаменитый «блат», «распил бюджета», создание чиновниками своих компаний и многое другое.

Для девиантологов очевидно, что коррупция, социальная суть которой состоит в продажности, – действительно, проблема номер один для российского общества и государства. И дело не столько в масштабности проявлений бытовой или низовой коррупции среди медицинских, вузовских работников или сотрудников ГИБДД, в массовых поборах населения, сколько в том, что основательно поражены корруп-

цией властные структуры в центре и на местах. Разумеется, «бытовых» коррупционеров, как самых типичных рядовых взяточполучателей, ни в коей мере не стоит оправдывать. Однако их коррупционные практики – скорее способ адаптации к рынку при низких зарплатах (определяемых государством) и резком падении социального престижа массовых профессий в условиях двойной аномии по Дюркгейму и Мертону, вызванных резкой сменой парадигм общественного развития.

Гораздо более опасной для российского социума является теневая коррупция в «верхах» в связках «власть и бизнес», «власть и население», между уровнями власти, когда покупаются контракты, лояльность, «теплые места». Словом, тотальная продажность тех, кто должен показывать обществу позитивные примеры служения делу и отечеству, а не факты безразличного казнокрадства, растрат, кумовства, мздоимства. Массовая коррумпируемость государственного аппарата порождает в обществе угнетающую социально-психологическую атмосферу, чреватую для населения стрессами, бесперспективностью, деморализацией и маргинализацией широких слоев населения, бегством из страны интеллектуалов. В органах власти и бизнес-сообществе происходит деградация менеджмента, депрофессионализация и разложение государственного аппарата. Неслучайно Россия «топчется» на месте: не может десятилетиями, имея баснословные природные богатства и даровитый трудовой народ, перейти от сырьевой экономики к экономике инновационной, преодолеть массовую бедность, тем самым снизив остроту социального неравенства и социальной несправедливости.

Не только специалистам, но и любому «профану» очевидно: рыба коррупции в стране гниет с головы, но чистят ее чаще всего с хвоста. Отсюда все усилия первых лиц государства, органов МВД и прокуратуры, Следственного комитета, ФСБ и других правоохранительных институтов в этом направлении скорее эфемерны и социально не эффективны.

Современная российская коррупция, как показывает анализ различных монографических, диссертационных источников, журнальных публикаций, *институционализована*, поскольку сложились и систематически воспроизводятся роли, нормы и таксы коррупционного поведения. Она как неформальный социальный институт встроена в систему государственного управления, носит *системный* характер. Смена отдельных участников коррупционной системы не затрагивает ее в целом. По критическим оценкам некоторых политологов, в частности П.Салина, скандалы затихают, а коррупция остается как часть коррупционной вертикали («на место А.Сердюкова и его девиц придут представители других кланов властной элиты»)[3]. Складывается впечатление, что коррумпированность, замаранность в коррупции в некотором смысле выступают как способ управления, как некая гарантия зависимой «преданности» высоко и не очень поставленных клерков. Неслучайно еще со времен Б.Ельцина в стране идет борьба кланов, оружием которых выступают «чемоданы с компроматом», которые нужны, чтобы «окоротить» высоко поставленных чиновников и политических оппонентов. Кроме того, коррупция в стране приобрела разветвленный *сетевой характер*. В центре коррупционных сетей оказываются как естественные монополии, финансовые учреждения, строительство дорог, олимпийских и иных социально значимых проектов, так и региональные и федеральные органы власти, органы правопорядка, обороны и правосудия.

Очевидно, что, не подвергнув коррупцию в российских бюрократических верхах, а затем и в обществе в целом, существенной и долговременной рестрикции (ограничению), не удастся эффективно решить ни одну политическую, социальную или экономическую проблему страны.

В науке существует большое разнообразие подходов к пониманию, объяснению феномена и причин коррупции.

Традиционная криминология описывает причинный комплекс экономической преступности и коррупции в объективных средовых детерминантах и условиях (ры-

ночные реформы, отставание в развитии хозяйственного, уголовного, административного права, дисфункции органов правопорядка, развитие теневой экономики и легализация преступных капиталов, сбои в работе государственной машины – приватизация и криминализация власти на местном, региональном и федеральном уровнях и др.). Антикоррупционная деятельность в соответствии с криминологическим подходом ориентируется, прежде всего, на пресечение коррупции по «факту» коррупционного деяния. Однако большинство проявлений коррупции ускользает от криминологического анализа, поскольку проявления коррупции как социального явления разнообразнее и носят исключительно латентный характер.

В социально-экономических науках, с позиций *неоклассического экономического подхода*, в рамках модели «Homo Economicus», хорошо описываются рациональные мотивы поведения коррупционера, увеличивающего свои доходы с помощью коррупционных практик (Becker 1968; Stigler 1974; Bowles, Garoupa 1997). Для описания коррупционных отношений «принципал–агент» используется *неоинституциональный экономический подход* (Shleifer, Vishny 1993; Fan, Lin, Treisman 2009).

Экономические, рыночно ориентированные подходы к изучению коррупции рассматривают ее как форму социального обмена, а коррупционные платежи — как часть трансакционных издержек (С.Роуз-Аккерман). Если бы государство занимало роль «ночного сторожа» в экономических отношениях, то коррупции было бы меньше. При сильном государственном вмешательстве и регулировании экономических процессов коррупция функциональна и выполняет роль «смазки» для ускорения принятия решений, необходимых бизнесу в целях эффективного хозяйствования.

Исследователи коррупции, в рамках *неоинституционального социологического подхода*, делают акцент на укорененность коррупционной деятельности, на то, что она включена в соответствующие социальные сети (Sobel 2002; Egbert 2006). «Менеджеральный» подход объединяет

исследования коррупции, которые изучают дефекты функционирования институтов и организаций, связанных с бюрократизмом, а также реформами (Manning, Parison 2004; Miller, Ventura 2004; Macchiavello 2007)[5].

Неомарксистский подход к коррупции трактует ее как основной порок капитализма - социальное явление, порожаемое современным буржуазным обществом, где все на продажу. Коррупция - продукт общества развитых товарно-денежных отношений, широко распространена в странах с развитым рынком, торгово-посредническим или финансовым капитализмом.

Социологический конструктивизм рассматривает коррупцию в рамках субъективистской перспективы анализа как социальную конструкцию, опираясь на концепцию социального конструирования реальности П.Бергера и Т.Лукмана. Коррупция выступает как социальная конструкция тогда и только тогда, когда она осознается людьми в ходе коммуникаций и обозначается в итоге как сложная, острая, сдерживающая прогресс, социальная проблема. Процесс ее конструирования включает рост числа факторов продажности (взяточничества) чиновников и должностных лиц, принимающих решения; криминализацию некоторых форм коррупционной активности.

С.Чибнелл и П.Саундерс, применив конструктивистский подход к анализу коррупции, идентифицировали ее скорее как классификацию поведения, достигнутого в результате коммуникации, нежели качество, внутренне присущее определенному типу поведения. Они продемонстрировали, как интерпретация коррупционного действия может изменяться в зависимости от специфики социального контекста и запаса знаний [10].

Этот оригинальный исследовательский подход не является универсальным, но его эвристический потенциал позволяет увидеть весьма скрытый аспект в природе современной российской коррупции: на конструирование коррупции, распространение и мотивацию коррупционных преступлений оказывают существенное влияние не только объективные социоструктурные

факторы, но и социокультурные и психологические детерминанты.

Отечественные исследования проявлений коррупции широко представлены в рамках криминологической науки (А.Долгова, Б.Волженкин, В.Лунеев, О.Мартыненко и др.), экономической социологии (Т.Заславская, И.Голосенко, Т.Шанин, В.Радаев, Л.Косалс, Л.Тимофеев, И.Кузнецов, С.Барсукова и др.), девиантологии (Я.Гишинский, Я.Костюковский, А.Салагаев, А.Коннов, Ю.Латов, Ю.Комлев и др.).

В работах институционалистов убедительно раскрыты социо-структурные модели и причины коррупции, обусловленные чрезмерным вмешательством государства в экономическую жизнь общества. Однако развитые либерализм, демократия и рынок не ведут к исчезновению коррупции. Они лишь снижают уровень бытовой коррупции, усиливая коррупцию бюрократического аппарата и высших эшелонов управления государством, порождая ухищренные формы взяточничества, фаворитизма, nepотизма, протекционизма, лоббизма, предоставление преференций и льготных кредитов, выгодных контрактов.

Риску предположить, что объяснение этой метаморфозы следует искать не только в институциональной, но и социокультурной плоскости. Одна из таких попыток сделана С.Алексеевым в его диссертационном исследовании, где доказывается, что коррупция как «социальное явление – часть культуры населения» [11]. Действительно, культура общества служит наиболее общим механизмом аккумуляции, хранения и передачи не только позитивных, одобряемых в нем способов деятельности, но и негативных – неодобряемых. Среди негативных образцов широко представлены нормы криминальной субкультуры. Очевидно, что субкультура преступной среды «подсказывает» примеры криминального поведения.

С переходом к рынку и вовлечением в предпринимательство активных представителей корпуса «красных директоров», номенклатурного слоя, «теневиков» и преступной среды в новом бизнес-сообществе

широкое распространение получают нормы криминальной субкультуры, позволяющие выяснять отношения не в правовом поле, а по «понятиям» на «стрелках». В чиновничество по принципам землячества и личной преданности, «блата» все чаще рекрутируются представители тех или иных кланов, что быстро вытесняет прежнюю номенклатурную бюрократию.

Заметим, что утверждение в ходе реформ норм рыночной культуры конкуренции в российском социуме поощряет массовые установки на достижение финансового успеха. Деньги становятся высшей ценностью. В погоню за богатством устремляются не только предприимчивые дельцы, но и безнравственные чиновники. В итоге эти фундаментальные социокультурные сдвиги во многом предопределяют формирование и распространение в аппарате управления и бизнес-сообществе *субкультуры продажности*, которая санкционирует те или иные практики коррупционного поведения.

Однако достичь высоких стандартов материального благополучия могут, увы, не все в силу структурных ограничений в рыночном обществе, где представители разных классов имеют ограниченные легальные возможности добиться успеха. Между целью, определяемой культурой конкуренции, и средствами ее достижения возникает напряжение (strain), ведущее к их рассогласованию, а следовательно, к аномии, по Р.Мертону (1938).

В условиях рыночного капитализма индивиды выбирают для себя ту или иную модель приспособления для преодоления аномии: от конформизма, при выборе одобряемой культурой цели богатства и законных средств ее достижения, до их полного неприятия (ретретизм) и даже замещения (мятеж). Неслучайно Р.Мертон пишет, что «обман, коррупция, аморальность, преступность, короче говоря, весь набор запрещенных средств, становится все более обычным», когда возникает аномическое напряжение и люди выбирают для себя девиантную адаптацию [12, С.304].

Стрейн-теория получила дальнейшее развитие в трудах девиантологов, и в на-

стоящее время ее модификацию чаще именуют общей теорией напряжения, которая выделяет несколько типов препятствий для достижения определяемых культурой позитивных целей (Д.Эллиот, Д.Гринберг и др.). Согласно стрейн-теории, чиновник – представитель низшего или среднего класса, как инноватор, стремясь к обогащению любой ценой, может выработать новый способ улучшения своего материального положения с помощью участия в незаконной приватизации, в предпринимательстве, в откатах, в коррупционных сделках, в бизнесе. Да, но как объяснить коррупционное поведение высокопоставленных чиновников, «белых воротничков» и элиты, которые уже достигли материального успеха и завидного социального положения?

В этом случае познавательный интерес представляют эвристические возможности дискурса вокруг теорий криминальной субкультуры (subcultural crime theory). Сторонники субкультурных теорий, как известно, рассматривают происхождение криминальных субкультур в терминах стрейн-теории при возникновении эффекта адаптации по типу инновации. Причем систематическая реализация инновационных девиантных практик позволяет закрепить соответствующую делинквентную норму в субкультуре определенного преступного сообщества. Второй путь происхождения криминальной субкультуры состоит в искажении определенных ценностей доминирующей при капитализме конкурентной культуры, превращая их в субкультурные нормы преступной среды. Описанные алгоритмы вполне объясняют формирование как субкультуры преступности, так и субкультуры продажности в транзитивном российском обществе.

В 1939 году Э.Сазерленд, изучавший преступность «белых воротничков» в США, под влиянием идей Г.Тарда сформулировал основные концепты теории дифференциальной ассоциации.

Теория Э.Сазерленда в редакции 1947 года содержит 9 базовых положений. Их суть состоит в том, что «систематическому криминальному» поведению индивиды обучаются в процессе непосредственного,

чаще неформального, общения с другими людьми, объединенными в криминальные группы или коррупционные сети. В ходе общения индивид заимствует у членов группы как технику преступления, так и специфику мотивов, стимулов, отношений. Индивид становится делинквентным из-за превалирования в преступной среде определений, благоприятных для нарушения уголовного закона над определениями, неблагоприятными для девиации. В итоге, индивид, интенсивно взаимодействующий с группой носителей криминальной субкультуры, накапливает переизбыток «дифференциальных ассоциаций» с ее негативными определениями и нормами по сравнению со «связями», которые он имеет с носителями антикриминальной культуры.

Под давлением установленных ассоциаций с криминальной субкультурой, даже при законопослушном поведении в прошлом, индивид встает на путь преступлений для удовлетворения своих материальных амбиций и потребностей.

Д.Глейзер в 1956 году предложил процесс дифференциальной ассоциации интерпретировать с помощью концепта «дифференциальная идентификация». По его мнению, в рамках дифференциальной идентификации индивид следует криминальному поведению до тех пор, пока он идентифицирует себя с реальными или воображаемыми людьми, с чьей точки зрения, его криминальное поведение кажется допустимым. Эти люди могут быть не только представителями преступных сообществ, но и близкими друзьями, успешными в финансовом плане или в плане карьеры, либо референтными группами (кумирами). Д.Кресси в 1979 году уточнил и переформулировал ряд положений теории Э.Сазерленда [13, С.168-171].

Теория дифференциальной ассоциации была весьма популярной в середине и конце XX века. Она успешно использовалась при объяснении как «обычной» преступности, так и преступности «белых воротничков» и элиты. Однако Сазерленд не смог ответить на вопрос, почему люди имеют те дифференциальные связи, которые у них есть. В последующем были

предприняты новые шаги по развитию теории дифференциальной ассоциации, и Р.Айкерс, корректируя теорию Сазерленда, создал свою теорию социального научения (social learning theory) [14].

Теория социального научения Р.Айкерса включает в себя все основные положения Сазерленда. Вместе с тем Айкерс детально уточняет механизмы научения преступному поведению, опираясь на разработки современных ему ученых-бихейвиористов. К понятиям «дифференциальные ассоциации» и «определения закона» им были добавлены концепты «дифференциальное усиление», «имитация» и другие положения, развивающие теорию социального научения.

Концепт «дифференциальное усиление» описывает тот факт, что девиантное поведение индивида определяется мерой влияния поощрения или наказания. Будет ли индивид удерживать себя от совершения преступления в настоящем или совершит его в будущем, зависит от прошлых, настоящих и ожидаемых в будущем поощрений и наказаний за эти его действия. Вероятность совершения или повторения деликта возрастает при поощрительном результате или реакции на него, например, такой как получение больших денег, поддержки или иных приятных ощущений. Это *положительное усиление*. Вероятность совершения криминального действия увеличивается, если индивид может избежать нежелательной огласки или репрессивных мер. Это *негативное усиление*. Айкерс описывает модальность ассоциации и усиления. Чем больше значение ассоциации или интенсивность усиления для девиантного поведения людей, тем выше вероятность совершения и повторения криминального действия или коррупционного акта.

Айкерс подчеркивает, что социальное научение является комплексным процессом взаимных воздействий индивида с криминальной группой и эффектом обратной связи. Это процесс, в ходе которого складывается баланс усвоенных определений, имитаций моделей криминального поведения и мер дифференциального уси-

ления, что обеспечивает в итоге устойчивое делинквентное поведение.

Как видим, предметный каркас теории социального научения Р.Акерса образуют четыре основных концепта: «дифференциальная ассоциация», «дефиниция», «дифференциальное усиление», «имитация». Модель процесса научения, предложенная ученым, адекватно объясняет феноменологию нормонарушающего делинквентного поведения индивида, в случае если он дифференцированно ассоциируется с теми, кто придерживается девиантной модели поведения, когда девиантность дифференциально усиливается гораздо больше, чем конформизм, когда его собственные определения закона благоприятствуют девиантным действиям. Базовые положения теории социального научения Р.Айкерса убедительно верифицированы эмпирическими данными, в том числе и при объяснении преступности «белых воротничков» и коррупционной преступности.

Следовательно, теория социального научения открывает один из возможных достаточно эффективных способов объяснения, понимания природы и специфики коррупции в транзитивном российском обществе как вида негативного девиантного поведения. Опираясь на теоретическое наследие создателей теорий делинквентной субкультуры и социального научения преступности, на концепт «субкультура продажности», можно вполне адекватно оценить феномен современной российской коррупции, уточнить вектор и выдвинуть новые меры по ее противодействию.

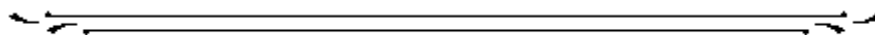
Таким образом, дифференциальные ассоциации, формирующиеся у потенциального коррупционера с нормами и моделями девиантности в рамках делинквентной субкультуры продажности ради достижения материального успеха без оглядки на моральные и правовые ограничители, дифференциально усиливает его коррупционную активность.

Субкультурные образцы латентной, успешной, а главное, безнаказанной коррупции низам подают, прежде всего, верхи. Об этом свидетельствуют убедительные примеры А.Сердюкова, Е.Скрынник, Т.Голиковой, Р.Панова, Е.Васильевой и других, обеспечивающие путь к финансовому благополучию и продвижению по социальной лестнице. Они широко известны в чиновничьей среде, бизнесе, сфере криминалитета, широких общественных кругах.

В связи с этим успеху антикоррупционной политики в стране могут способствовать не только меры по демократизации общества и развитию политической системы, по сокращению чиновничьего усмотрения при регулировании хозяйственных отношений, ограничению власти и произвола высшей бюрократии. Уместно сокращение прогибационизма и двусмысленности в нормативных источниках, регулирующих хозяйственную деятельность предпринимателей. При этом важно разрушить субкультуру продажности, существенно повысить ответственности управленческого аппарата при разрешении подведомственных вопросов, установить зависимость служебного поведения чиновников от итогового социального пакета при увольнении и выходе на пенсию, реально повысить оплату труда чиновников при более тщательном контроле их дорогостоящих расходов и приобретений, усовершенствовать систему рекрутирования, подготовки и ротации управленческих кадров. Совершенно необходимо обеспечить строгое соответствие поведения чиновников деонтологическому кодексу государственной службы. И, наконец, в масс-медиа необходима активная пропаганда персоналий и управленческих практик, свидетельствующих об антикоррупционной культуре бескорыстия, преданности делу и служению отечеству.

ЛИТЕРАТУРА

1. В России разгорелись коррупционные скандалы [Электронный ресурс] URL:<http://www.inopressa.ru/article/19nov2012/nytimes/corruption.html>
2. Волна коррупционных скандалов в России: эксперты говорят об обострении внутриэлитной борьбы [Электронный ресурс] URL: http://www.dp.ru/a/2012/11/13/Volna_korrupcionnih_skand/
3. Эксперты: коррупционные скандалы свидетельствуют о переделе сфер влияния в элите [Электронный ресурс] URL: <http://www.rb.ru/article/eksperty-korrupsionnye-skandaly-svidetelstvuyut-o-peredele-sfer-vliyaniya-v-elite/7052517.html>
4. Хинштейн рассказал о коррупционном скандале из-за новой формы МВД [Электронный ресурс] URL: <http://lenta.ru/news/2012/10/05/uniforms/>
5. Изюмов А.И., Косалс Я.Я. Исследования полицейской коррупции в развитых, развивающихся и трансформирующихся странах как часть проблемы изучения неформальной экономической деятельности полиции // Экономическая социология. Т.11. 2010. №2 [Электронный ресурс] URL: <http://www.ecsoc.hse.ru>
6. В российских новостях доминируют коррупционные скандалы [Электронный ресурс] URL:<http://www.inosmi.ru/russia/20121203/202913945.html>
7. Панов В. Жулики без границ. Почему Запад перестал реагировать на коррупционные скандалы в России [Электронный ресурс] URL:http://www.stoletie.ru/tekuschiiy_moment/zhuliki_bez_granic_676.htm
8. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.
9. Коррупция в Татарстане: где берут больше всех? [Электронный ресурс] URL:<http://www.business-gazeta.ru/article/74222/>
10. Быстрова А., Сильвестрос М. Феномен коррупции: некоторые исследовательские подходы [Электронный ресурс] URL:http://www.textfighter.org/raznoe/Sociolog/Article/bystrova_a_silvestros_m_fenomen_korruptsii_ne_issledovatelskie_podhody_elektronnaya_sotsiologii.php
11. Алексеев С.В. Коррупция в переходном обществе [Электронный ресурс] URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-197032.html>
12. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1996.
13. Комлев Ю.Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения. Казань: КЮИ МВД России, 2006.
14. Akers R. Criminological Theories: Introduction and Evolution. Los Angeles, 1997.

Л.В.Готчина ,

доктор юридических наук,
кандидат социологических наук, доцент
(Санкт-Петербургский
университет МВД России)

О СУТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СПОРА ВОКРУГ ОТКАЗА ОТ КОНТРОЛЯ НАД НАРКОТИКАМИ

Международная политика в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и в области противодействия их незаконному обороту строится на принципах приоритетности мер по профилактике наркоманий и правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Уголовное законодательство в сфере незаконного оборота наркотиков претерпело существенные изменения в ряде стран. В частности, легализована марихуана. Однако в России необходимо сохранить запреты на ввоз, распространение запрещенных веществ и торговлю ими.

Ключевые слова: уголовно-правовая профилактика, уголовное законодательство, организованная наркопреступность.

International politics in the area of drug trafficking and in the area of countermeasures to their illegal turnover is built on the principle of priority of the measures to prevent the drug-connected crimes. Criminal law in the field of illicit drug trafficking has undergone substantial changes in a number of countries. In particular, legalized marijuana. But in Russia it is necessary to maintain the prohibition on the import, distribution and trafficking of prohibited substances.

Key words: criminal and legal preventive measures, criminal legislation, organized drug crime.

В мире выработаны три стратегии оборота наркотиков: запретительная (Россия), легальная (Голландия, Швейцария, Нидерланды, Великобритания, Австралия) [1] и промежуточная, или концепция «меньшего вреда» (Чехия, США, Швеция).

Международная практика применения антинаркотических программ различна. Приоритет профилактики наркопотребления и оказания помощи больным в ряде стран вытесняет силовые методы борьбы. В частности, Франкфуртская резолюция 1993 г. направлена на отмену уголовной ответственности и штрафов за потребление наркотиков, поскольку они не способствуют оказанию помощи наркоманам. В печати Калифорнии все чаще обсуждается

вопрос о легализации марихуаны. «Активисты хотят, чтобы хранение ее унции было разрешено лицам, достигшим 21 года. Сейчас – это правонарушение и облагается штрафом 100 долларов» [2]. Далее приводятся данные проведенного опроса граждан, из которых 56 % считает, что указанное наркотическое растение может стать новым источником прибыли, который облегчит бюджетный дефицит штата. Отмечаются и опасения критиков, утверждающих, что «вред, нанесенный обществу легализацией, – от снижения успеваемости в учебе до увеличения количества дорожно-транспортных происшествий и несчастных случаев на работе – превзойдет возможную экономическую выгоду» [2].

По заявлению Д. Керликовске, руководителя управления по национальной политике в области контроля за распространением наркотиков, «США завершают многолетнюю войну с наркотиками» [3], ассигнования на которую в прошедшие четыре десятилетия неуклонно росли. «В 1969 году из американского бюджета на борьбу с наркотиками выделялось 81,4 млн долларов. За пять лет цифра выросла почти на порядок – до 760 млн долларов. В 2008 году только из федерального бюджета потрачено на эти цели 13,7 млрд. Примерно в 1,5 раза больше на антинаркотическую войну расходуют бюджеты штатов» [3].

Кроме того, во многих штатах назначается тюремное заключение за хранение любого количества запрещенного наркотика. Однако в 13 из них (Аляска, Вашингтон, Гавайи, Калифорния, Орегон и другие) с 1996 по 2009 годы были приняты законы, отменяющие уголовную ответственность за хранение и выращивание марихуаны для нуждающихся в ней по медицинским показаниям. «На Ямайке трижды лоббировалась ее легализация (в 2001, 2003 и 2008 годах). По данным американских правоохранительных служб, 60-80 % прибыли мексиканские наркокартели получают именно за счет «травки» [3].

11 января 2010 года одобрен законопроект о легализации марихуаны 14 штатом США – Нью-Джерси. В соответствии с ним, врачам разрешается выписывать наркотик страдающим тяжелыми хроническими болезнями. Пациентам будет выдаваться не более двух унций в месяц. Некоторые работники системы образования и правоохранительных органов решительно возражали против билля, говоря, что теперь доступ для курения «травки» будет существенно облегчен, в том числе большим числом подростков. Кроме того, введение этого проекта увеличит давление в школах на обучаемых со стороны своих сверстников, негативно повлияет на обстановку в районах» [4].

Переход к промежуточной стратегии оборота наркотиков в США был связан с медленным, но неуклонным ростом общей приобщенности к наркотикам выпускни-

ков американских школ. Ежегодный прирост, не превышающий 2-3 %, привел к тому, что весной 1997 года численность имеющих опыт минимум разового наркоупотребления достигла 54,3 %, то есть поднялась за шесть лет почти на 14 % [5]. Заметно возросло и число актуальных потребителей и составило в 1997 году 26,2 %. После 1999 года началось чрезвычайно медленное, но все же снижение уровня знакомства с наркотиками от 0,1 % в год, достигнув 2 % в 2003 году, а общая приобщенность к ним выросла до 51,1 % [5]. «В последнее десятилетие среди американских старшеклассников изменилось соотношение случайного и активного потребления: начиная с 1994 года, оно стало уже не 3:1, а примерно 2:1» [6].

По европейским данным, среди молодежи уровень потребления наркотиков примерно вдвое выше, чем среди взрослых. В структуре потребления преобладает конопля.

Сегодня каннабис является самым распространенным наркотическим средством в мире. Еще во Всемирном докладе о наркотиках за 2005 год [7] ему уделено особое внимание. Однако политика стран в отношении контроля над ним имеет самый разный характер и нередко меняется в течение одного года. «Имея практически неограниченные возможности по предложению при спросе, регулируемом капризами политических партий различных стран, наркодельцы вкладывают большие средства в увеличение силы воздействия каннабиса на организм человека и, соответственно, его рыночной привлекательности. Скачки в проводимой политике дезориентируют молодых людей относительно той степени опасности, которую представляет этот наркотик. Как результат, мы имеем катастрофические последствия: сегодня характеристики каннабиса не слишком отличаются от таких наркотических веществ растительного происхождения, как кокаин и героин. Эпидемия его распространения, подобно всем другим угрозам здоровью людей, требует действенных и долгосрочных мер государств» [7].

Не все согласны с такой позицией Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН). Так, сотрудник Института проблем развития Мик Мур озвучивает, что «режим контролируемой терпимости к марихуане был бы эффективным» [8] на международном уровне. Однако, по его мнению, имеются политические препятствия. Среди них – «агрессивность УНП ООН в этом вопросе». Далее он выделяет взаимосвязь между уголовным законодательством, не допускающим нарколегализации, и ростом наркомании: «государственная нетерпимость двух влиятельных недемократических стран – Ирана и Российской Федерации, отмеченных эпидемией героиновой зависимости, настолько велика, что для лечения зависимости и обмена шприцов почти не остается возможностей. В обеих странах из-за использования общих шприцов все больше распространяется ВИЧ/СПИД; в одной только России насчитывается более миллиона ВИЧ-положительных наркоманов» [9].

Чешские власти с 1 января 2010 года легализовали продажу не только так называемых мягких наркотиков, но и даже некоторых их «тяжелых» аналогов, «определив минимальное количество наркотических средств (в граммах: марихуаны – 15, героина – 1,5, кокаина – 1, гашиша – 5, амфетамина – 2; пять доз ЛСД и до 40 галлюциногенных грибов), хранение которых обернется не уголовной, как раньше, а административной ответственностью. Правительства Польши и Словакии, встревоженные таким «социальным экспериментом», заявили о создании специальных приграничных подразделений полиции, так называемых «заградительных отрядов» против ввоза «дури». Для сравнения: в Польше, например, до сих пор можно загреметь на три года даже за одну дозу марихуаны. А за распространение и производство наркотиков грозит лишение свободы до 8 лет. Тем временем в польских молодежных интернет-блогах уже появились адреса, где в Чехии можно купить «наркоту» и по каким ценам. Притом что еще до конца не решен вопрос о том, где и как будут продаваться легализованные наркотики: под госконтролем в специали-

зированных кафе и барах, как в Голландии, или же это дело оставят на откуп «бизнесу». Кстати, в той же Голландии власти не раз изъявляли желание покончить с наркотуризмом.

В не меньшей степени они обеспокоены и перспективой организации «наркотуров» в Чехию [10]. «В связи со вступлением в силу нового закона, цены на наркотики в Чехии снизились на 30-40 %. Однако, как отмечают эксперты, в стране официальных мест их продажи нет, и торговля остается нелегальной. Согласно статистике, 28 % чехов моложе 24 лет хотя бы раз в год курят траву, что является наивысшим показателем в Евросоюзе. По данным Европейского мониторингового центра по наркотикам и наркомании (EMCDDA), в Старом Мире именно чешская молодежь – лидер по курению марихуаны. Некоторые правительства ЕС уже выразили обеспокоенность чешским экспериментом» [11].

Суть спора вокруг отказа от контроля над наркотиками разъясняется во Всемирном докладе о наркотиках за 2008 год, подготовленном УНП ООН [11]. В пользу такого отказа выдвигаются аргументы, связанные с экономикой, здравоохранением и безопасностью. По мнению исполнительного директора УНП ООН Антонио Мария Коста, экономическое обоснование следующее: «Необходимо легализовать наркотики и тем самым увеличить налоговые поступления. Этот аргумент по принципу легализовать и обложить налогом аморален и экономически неоправдан. Он предлагает ввести налог на порок, который из поколения в поколение выплачивали бы группы маргиналов (потерянных для общества наркоманов) для стимулирования оживления экономики. Может быть, сторонники такой меры выступают и за легализацию и обложение налогом других трудноконтролируемых видов преступной деятельности, таких как торговля людьми?» [11]. Он убежден, что «любое сокращение расходов на борьбу с наркотиками (вследствие сокращения расходов на правоохранительную деятельность) будет сведено на нет значительным ростом затрат на здравоохранение (из-за резкого роста потребления наркотиков).

Другие заявляют, что после легализации можно избежать возникновения угрозы массовой наркомании путем введения государственного регулирования рынка наркотиков. Речь вновь идет о наивной и недальновидной позиции. Во-первых, чем жестче контроль, тем быстрее можно ожидать появления параллельного (преступного) и более масштабного рынка, что лишает эту концепцию смысла. Во-вторых, принятие таких изоциренных мер контроля по силам только нескольким (богатым) странам» [11]. Его тезис не вызывает у нас сомнения: «Не следует забывать одну простую истину: наркотики наносят вред не потому, что их контролируют, а их контролируют потому, что они наносят вред» [11].

Еще во Всемирном докладе о наркотиках за 2004 год УНП ООН акцентировало внимание на необходимости «сбалансированности профилактических мер и правоохранительных мероприятий» [7], в 2008 году проявляло «самую серьезную озабоченность организованной преступностью» [9]. В связи с этим исполнительный директор УНП ООН обратился к государствам-участницам с настоятельным призывом провести незамедлительно перенастройку программных ориентиров в направлении усиления мер контроля над преступностью без ослабления мер контроля над наркотиками. Доклад за 2009 год резюмирует: международному сообществу необходимо совмещать мероприятия по снижению предложения наркотиков с мероприятиями по сокращению их спроса и интегрировать национальные усилия в международные стратегии [12].

Действующие международные правовые нормы предусматривают уголовную ответственность за наркопреступления. В частности, Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года, содержит положения о наказании [13], статья 36 - принятие мер, обеспечивающих признание наказуемыми деяний, таких как: культивирование и производство, изготовление, извлечение, приго-

товление, хранение, предложение, предложение с коммерческими целями, распределение, покупка, продажа, доставка на каких бы то ни было условиях, маклерство, отправка, переотправка транзитом, перевоз, ввоз и вывоз наркотических средств и всякое другое действие, которое, по мнению ратифицировавших Конвенцию стран (далее - Сторон), может являться нарушением постановлений настоящей Конвенции, в тех случаях, когда они совершены умышленно, а также что серьезные преступления будут подлежать соответствующему наказанию, в частности, тюремным заключением или иным способом лишения свободы». Каждое из перечисленных преступлений считается подлежащим включению в качестве преступления, влекущего выдачу, в любой договор о выдаче, заключенный между Сторонами.

Кроме того, Концепция признает наказуемыми деяниями умышленное соучастие в каком-либо из таких преступлений, участие в сообществе с целью совершения и покушения на их совершение, подготовительные действия и финансовые операции в связи с ними (ч. 2 ст. 36) [13].

Нормой уголовного права рассматриваемого международного документа также регламентируется наложение ареста и конфискации на любые наркотические средства, вещества и предметы оборудования, использованные или предназначенные для совершения преступлений.

«В тех случаях, когда лица, злоупотребляющие наркотическими средствами, совершают вышеперечисленные преступления, Стороны могут предусмотреть либо в качестве замены осуждения или наказания, либо в дополнение к наказанию, чтобы в отношении таких лиц применялись меры, направленные на их лечение, воспитание, наблюдение за ними после окончания ими лечения, восстановление их трудоспособности и возвращение их в общество» [13].

Меры по пресечению злоупотребления наркотическими средствами предусматриваются в сфере содействия ознакомлению лиц, которым это необходимо по работе, а также населения, в случае если есть опас-

ность, что оно приобретает широкие масштабы.

Иным значительным нормативным правовым актом в области международного права является Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ [14]. Статья 3 приводит перечень нарушений и санкций:

«а) i) производство, изготовление, экстрагирование, приготовление, предложение с целью продажи, распространение, продажу, поставку на любых условиях, посредничество, переправку, транзитную переправку, транспортировку, импорт или экспорт любого наркотического средства или любого психотропного вещества в нарушение положений Конвенции 1961 года, этой Конвенции с поправками или Конвенции 1971 года;

ii) культивирование опийного мака, кокаинового куста или растения каннабис в целях производства наркотических средств в нарушение положений Конвенции 1961 года и этой Конвенции с поправками;

iii) хранение или покупку любого наркотического средства или психотропного вещества для целей любого из видов деятельности, перечисленных в подпункте "i";

iv) изготовление, транспортировку или распространение оборудования, материалов или веществ, указанных в Таблице I и Таблице II, если известно, что они предназначены для использования в целях незаконного культивирования, производства или изготовления наркотических средств или психотропных веществ;

v) организацию, руководство или финансирование любых правонарушений, перечисленных в подпунктах "i", "ii", "iii" или "iv";

б) i) конверсию или перевод собственности, если известно, что такая собственность получена в результате любого правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с подпунктом "а" настоящего пункта, или в результате участия в таком

правонарушении или правонарушениях, в целях сокрытия или утаивания незаконного источника собственности или в целях оказания помощи любому лицу, участвующему в совершении такого правонарушения или правонарушений, с тем чтобы он мог уклониться от ответственности за свои действия;

ii) сокрытие или утаивание подлинного характера, источника, местонахождения, способа распоряжения, перемещения, подлинных прав в отношении собственности или ее принадлежности, если известно, что такая собственность получена в результате правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с подпунктом "а" настоящего пункта, или в результате участия в таком правонарушении или правонарушениях;

с) с учетом своих конституционных положений и основных принципов своей правовой системы:

i) приобретение, владение или использование собственности, если в момент ее получения было известно, что такая собственность получена в результате правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с подпунктом "а" настоящего пункта, или в результате участия в таком правонарушении или правонарушениях;

ii) владение оборудованием или материалами или веществами, указанными в Таблице I и Таблице II, если известно, что они используются или предназначены для использования в целях незаконного культивирования, производства или изготовления каких-либо наркотических средств или психотропных веществ;

iii) публичное подстрекательство или побуждение других любыми средствами к совершению любого из правонарушений, признанных таковыми в соответствии с настоящей статьей, или к незаконному использованию наркотических средств или психотропных веществ;

iv) участие, причастность или вступление в преступный сговор с целью совершения любого правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с настоящей статьей,

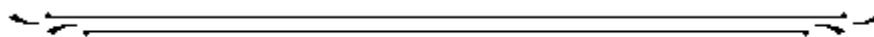
попытки совершить такое правонарушение или правонарушения, а также пособничество, подстрекательство, содействие или дача советов при их совершении» [14].

Совершенствование международной правовой базы антинаркотической дея-

тельности выработало механизм ее практической реализации. В целом, сотрудничество государств осуществляется при соблюдении международно-правовых норм, в первую очередь, общепризнанных принципов международного характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Кристи Н., Бруун А. Удобный враг. Политика борьбы с наркотиками в Скандинавии / пер. с англ. А. Турунтаевой. М., 2004. 272 с.; Тимофеев Л. Модель «черной экономики»: наркобизнес // Теневые экономические системы современной России: теоретико-аналитические модели. – М., 2008. – С. 191-272.
2. Уиткомб Д., Горман С. Марихуана может спасти Калифорнию от краха // Thomson Reuters. 18.12.2009.
3. Крэк изобилия // Власть. 08.06.2009. № 22 (825). Режим доступа к изд.: sartrac.ru/i.php.
4. Грин Я. Курите марихуану на здоровье // Режим доступа к изд.: <http://www.polit.ru/institutes/2010/03/11/drugs.html>.
5. Release on Drug Use. 2003. Table 4 // Режим доступа к изд.: <http://www.monitoring the future.org>.
6. Мацкевич М.Г. Исследования наркотизма и проблемы профилактики // // Наркотизм. Наркомании. Наркополитика / под ред. А.Г. Софронова. СПб., 2006. С. 34.
7. Всемирный доклад о наркотиках (World Drug Report) // Режим доступа к изд.: www.narkotiki.ru/mir_5767.html.
8. Наркотики: на пути к глобальному режиму терпимости. Точка зрения сотрудника Института проблем развития Мика Мура // Режим доступа к изд.: www.polit.ru.
9. Всемирный доклад о наркотиках (World Drug Report) // Режим доступа к изд.: www.antidrugfront.ru/world-drug-report-2008.html.
10. Шаньков В. Легализация наркотиков в Чехии напугала соседние страны // Новые известия. 12 января 2010 г. // Режим доступа к изд.: www.demoscope.ru/weekly/2010/0405/gazeta-025.php.
11. В Чехии легализировали наркотики. 4 ноября 2010 г. // Режим доступа к изд.: korrespondent.net.
12. Всемирный доклад о наркотиках (World Drug Report) // Режим доступа к изд.: <http://www.un.org/ru/development/surveys/-docs/drug2010.pdf>.
13. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года от 30.03.1961, Нью-Йорк с изм. и доп. от 25.03.1972 // СЗ РФ. 2000. № 22. Ст. 2269.
14. Конвенция организации объединенных наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20.12.1988 г., Вена // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. М., 1994. С. 133-157.

А.Н. Варыгин,

доктор юридических наук, профессор

(Саратовская государственная юридическая академия)

О ПРЕСТУПНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ЕЕ ТЕНДЕНЦИЯХ

В статье подвергнуты криминологическому анализу преступления сотрудников органов внутренних дел, как «профессиональные», так и «нетрадиционные».

Ключевые слова: преступная деятельность, сотрудники органов внутренних дел, правоохранительные органы, правонарушения.

In article subjected to криминологическому analysis of crime officers of the internal Affairs bodies, as «professional» and «non-traditional».

Key words: criminal activities, the staff of bodies of internal Affairs, law enforcement, offences.

Одной из проблем, наиболее волнующих в настоящее время общество, государство и многих граждан, является преступность. О ее разрушительном воздействии на общество нет смысла говорить в силу явной очевидности. Преступность, приспособляясь к социально-экономическим условиям развития общества, меняется на протяжении времени. Ее изменения носят как количественный, так и качественный характер. Если обратиться к статистике, то можно увидеть, что с конца 80-х годов по настоящее время преступность в стране постоянно росла, за небольшими исключениями нескольких последних лет. Это наглядно видно из официально опубликованных статистических данных [1].

Тревогу вызывает не только количественное изменение преступности (она растет как в России, так и в более экономически развитых странах, хотя в нашей стране этот рост в 2 раза выше общемировых темпов) [2]. Более серьезную угрозу таят ее качественные изменения. Сегодняшняя преступность существенно отличается от преступности конца 80-х–начала 90-х годов. Она приобрела организованный и профессиональный характер, многоцелевую и крупномасштабную ориентацию.

Представители преступного мира переходят от одних форм преступной деятельности к другим, более изощренным и опасным, которые причиняют, в том числе, значительный материальный ущерб. Преступность ожесточается, омолаживается, спланируется и проникает во многие сферы общественной жизни.

В занятие преступной деятельностью вовлекаются все новые и новые слои населения, представители различных сфер деятельности. В полной мере это коснулось и лиц, занимающихся предупреждением преступности. Как отмечает А.И. Долгова, «криминализируется общество – криминализируются и его структуры, рассчитанные на борьбу с преступностью» [3]. По общему замечанию М.П. Клейменова, коммерциализация не только поразила политику, но и проникла в правоохранительную сферу, где осуществляется широкомасштабная торговля свободой [4].

В первую очередь это относится к сотрудникам органов внутренних дел, на долю которых приходится наибольшее количество преступлений, по сравнению с сотрудниками других правоохранительных структур. Их доля составляет около 95% всех преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов

страны. Например, в 2008 году к уголовной ответственности было привлечено всего 26 судей и 33 сотрудника прокуратуры. В связи с этим к криминологическому анализу будут подвергнуты, прежде всего, преступления сотрудников органов внутренних дел.

С 1989 по 2007 гг. количество совершаемых сотрудниками ОВД преступлений возросло более чем в 5 раз, о чем наглядно свидетельствуют статистические данные. Так, если в 1989 году (со времени рассекречивания таких данных) было зарегистрировано 1020 преступлений и привлечено к уголовной ответственности 1057 сотрудников, то в 2007 году эти показатели составили 5180 преступлений и 4367 сотрудников, их совершивших. С 2008 года эти показатели стали несколько снижаться – было зарегистрировано 4367 преступлений [5]. В 2009 году в отношении 4202 сотрудников милиции были возбуждены уголовные дела, в 2010 году – в отношении 4171 сотрудника [6].

При этом следует помнить, что фиксированность таких преступлений довольно низка и официальные статистические данные также не отражают действительного положения. Уровень латентности преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, довольно высок. Согласно результатам нашего исследования, 80% преступлений сотрудников органов внутренних дел не доходят до уголовно-правовой статистики. Исходя из этого, можно предположить, что ежегодно в стране сотрудниками ОВД совершается не менее 20 тыс. преступлений, основная масса которых остается вне статистики.

Как показывают результаты анкетирования осужденных к лишению свободы сотрудников ОВД, самыми распространенными преступлениями, совершенными ими, являются преступления против собственности. На их долю приходится 39,5% всех преступлений, совершенных опрошенными осужденными. Из них 14,6% – кражи; 10% – грабежи и столько же разбойные нападения; 2,8% преступлений – мошенничество и 2,1% – вымогательство.

Велика доля преступлений против лич-

ности. Так, 13,6% из них – убийство (ст. 105, 108 УК РФ, а также причинение смерти по неосторожности – ст. 109 УК РФ); 10,6% – причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью; 6,9% – изнасилование. В общей сложности такие преступления составили 19,5% от общего количества преступлений, совершенных опрошенными сотрудниками.

Самыми распространенными, как мы говорим, «профессиональными» преступлениями (должностными и против правосудия) [7] является превышение должностных полномочий. На его долю приходится 12,4% всех преступлений, совершенных опрошенными; 2,7% – получение взятки, 2,1% – злоупотребление должностными полномочиями, 1,9% – принуждение к даче показаний, 0,4% – служебный подлог.

Время вносит существенные изменения в структуру преступности сотрудников органов внутренних дел. В последние годы сотрудники совершают все больше преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (они участвуют в сбыте наркотиков, в том числе изъятых ими же у преступников; осуществляют и прикрывают перевозки больших партий наркотиков и совершают иные противозаконные действия).

Насыщенность страны в настоящее время огнестрельным оружием обуславливает его незаконное использование. Не случайно, что в последние годы распространенным преступлением, совершаемым сотрудниками, стало преступление, предусмотренное ст. 222 УК РФ, – незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, ношение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. На долю названного преступления приходится 3,2% от общего количества преступлений, совершенных опрошенными осужденными сотрудниками органов внутренних дел.

Вышеперечисленные преступления являются самыми распространенными преступлениями, за совершение которых сотрудники отбывают наказание в виде лишения свободы.

В общей сложности на их долю прихо-

дится около 97% всех преступлений, которые были совершены опрошенными нами осужденными.

В последние годы нередкими стали случаи совершения сотрудниками органов внутренних дел ранее «нетрадиционных» для них преступлений - заказных убийств, создания банд, похищения людей с целью получения выкупа, терроризм [8]. Сотрудники ОВД стали специализироваться и на других деяниях – участвовать в захвате чужой собственности; заниматься через подставных лиц, родственников предпринимательской деятельностью (они содержат магазины, увеселительные учреждения, автосалоны); их услуги используются для устранения политических и экономических конкурентов (путем возбуждения в отношении них уголовных дел и привлечения к ответственности); создают банды с целью нападения на банкиров и предпринимателей.

Как отмечалось в докладе фонда ИНДЕМ «Диагностика российской коррупции: социологический анализ», в настоящее время работа правоохранительных органов характеризуется таким явлением, как сокрытие материалов оперативных разработок или уголовных дел для накопления и использования компромата. Этими данными торгуют, шантажируют, используют в политических и административных целях. Идет вытеснение милицией криминальных группировок, служащих «крышами» малому и среднему бизнесу, с последующим присвоением себе этих функций вместе с соответствующими доходами [9]. Как отмечает М.П. Клейменов, милицейские «крыши» сразу же потеснили бандитские формирования на соответствующем рынке. Так называемые «красные крыши» являются наиболее удобными и надежными, неслучайно, крупные российские банки не находятся под контролем бандитских группировок [10].

Характерно, что в последние годы все большее число сотрудников органов внутренних дел вовлекается в совершение «профессиональных» преступлений (должностных и против правосудия). В 2000 году впервые за многие годы количество таких преступлений (а они носят, как прави-

ло, коррупционный характер) превысило количество общеуголовных преступлений, совершаемых сотрудниками милиции. Например, в 2010 году в отношении 2586 сотрудников были возбуждены уголовные дела по таким преступлениям, что также больше количества преступлений общеуголовного характера. Это свидетельствует о том, что все большее количество сотрудников органов внутренних дел используют свое служебное положение для извлечения материальной выгоды.

Кроме того, растет доля групповых преступлений, совершаемых сотрудниками. Если ранее подобные преступления, например, получение взятки, совершались обычно в одиночку, то сейчас ситуация изменилась. Около 50% «профессиональных» преступлений совершены опрошенными осужденными в группе, что подчеркивает повышенную общественную опасность подобных деяний. Наблюдается своеобразное распределение ролей в таких группах. Одни сотрудники вымогают взятку и рекомендуют передать ее конкретному лицу, которое ее и получает, третьи принимают решение, например, фальсифицируют материалы уголовных дел, выносят постановления о их прекращении и т.д. Как правило, группы состояли из сотрудников одного и того же подразделения. Подобная тенденция отмечается и другими исследователями.

Следственная и судебная практика, отдельные криминологические исследования, в том числе осуществленное и нами, фиксируют связь определенной части сотрудников органов внутренних дел с организованными преступными формированиями, их лидерами. Иногда сотрудники образуют покровительство, «крыши» организованным преступным формированиям. Сформировался некий симбиоз, казалось бы, непримиримых врагов – сотрудников милиции и преступников.

Сказанное позволяет констатировать, что в стране сложился и динамично развивается новый вид преступности - преступность сотрудников органов внутренних дел. Ее можно определить следующим образом: это новый, самостоятельный, имеющий ярко выраженную специфику,

обусловленную личностью преступника, вид преступности, представляющий собой совокупность преступлений, совершенных сотрудниками органов внутренних дел в стране за определенный промежуток времени. Речь следует вести именно о преступности как относительно массовом, устойчивом, специфическом явлении, а не о простой массе преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел.

Характерными особенностями данного вида преступности, на наш взгляд, являются следующие:

- повышенная общественная опасность, определяемая тем, что преступления сотрудников органов внутренних дел, кроме причинения вреда охраняемым уголовным законом объектам, влекут за собой дискредитацию правоохранительных органов в глазах населения страны и всей государственной власти в целом;

- высокий уровень латентности преступлений, совершаемых сотрудниками;

- корыстный характер большинства совершаемых преступлений.

Данный вид преступности отличается в последние годы негативными тенденциями, в частности:

- увеличением уровня групповых (в том числе носящих организованный характер) преступлений, совершаемых сотрудниками;

- связью преступной деятельности сотрудников с организованной преступностью;

- активным использованием сотрудниками органов внутренних дел при совершении общеуголовных преступлений своего служебного положения;

- ростом количества «профессиональных» (должностных и против правосудия) преступлений. Повышенная общественная опасность выделенного вида преступности определяется тем, что он подрывает авторитет правоохранительной системы и авторитет всего государственного аппарата в глазах населения страны, выступает своеобразным фактором, дестабилизирующим нормальное развитие государства.

Сложившаяся ситуация с правонарушениями в органах внутренних дел не могла не волновать руководство страны и МВД

России. Президентом России в конце 2009 года было заявлено о необходимости реформирования системы МВД России. Одной из задач реформы МВД РФ являлось, в том числе, снижение количества правонарушений, совершаемых сотрудниками министерства, формирование позитивного отношения к ним со стороны населения страны, что, конечно же, необходимо и с чем нельзя не согласиться. При этом следует отметить, что применяемые для этого руководством страны и Министерства внутренних дел меры, прежде всего, такие, как совершенствование системы отбора на службу в органы внутренних дел, профессиональное обучение и морально-психологическое обучение сотрудников, повышение их денежного содержания, далеко не новы. О необходимости реализации таких мер говорилось еще почти десять лет тому назад [11]. Хотя при этом речь не велась о столь массовом (на 20% от численного состава) сокращении сотрудников ОВД. И в настоящее время, на наш взгляд, такое масштабное сокращение нецелесообразно. Это связано с тем, что до настоящего времени количество совершаемых в стране преступлений остается достаточно значительным. Например, в 2012 году в России только официально было зарегистрировано 2,3 млн преступлений, из которых было раскрыто лишь 1,2 млн преступлений [12]. Но и к этим показателям следует относиться весьма скептически, так как реальная картина преступности, с учетом ее латентной составляющей, выглядит совсем иной. Во много раз больше в стране совершается преступлений, с которыми органы внутренних дел со своей имеющейся штатной численностью не справлялись. Как отмечает В.В. Лунеев, если сегодня правоохранительная система не справляется с расследованием выборочно учтенных 2,5-3 млн преступлений и около 1 млн. подсудимых, то эта система совсем рухнет под грудой около 12-15 млн уголовных дел по реально совершаемым преступлениям, более или менее охватывающих преступность. Правоохранительные органы вынужденно учитывают не более четвертой-пятой части

реальной преступности [13].

При этом следует отметить, что цифра 12-15 млн преступлений в год также является весьма условной. Другие ученые, в частности В.Д. Ермаков, утверждают, что преступлений, совершаемых в стране, гораздо больше, около 30-35 млн преступлений в год [14]. Следует отметить, что указанное сокращение численности сотрудников органов внутренних дел, хотя и необ-

ходимо, но оно должно осуществляться не в таких значительных масштабах и поэтапно, иначе государство может получить вместо предполагаемого положительного эффекта - «очищения рядов МВД» - рост преступности в стране во всех ее проявлениях и в силу этого – вынужденное сокрытие сотрудниками ОВД преступлений от учета, то есть совершение ими правонарушений.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Преступность и правонарушения (2005-2009 гг): статистический сборник. М., 2010. С. 15; Состояние преступности в России за 2010 год: статистический сборник. М., 2011. С.5.
2. См.: Колесников В.И. Преступность в России и стратегия борьбы с ней // Преступность: стратегия борьбы. М., 1997. С. 19; Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005. С. 845.
3. Организованная преступность – 4. М., 1998. С. 39.
4. Клейменов М.П. Проблема коррупции среди сотрудников службы криминальной милиции//Преступность в России и борьба с ней: региональный аспект. М., 2003. С. 14.
5. Отчеты ГИАЦ МВД РФ «О нарушениях законности и преступлениях, совершенных сотрудниками органов внутренних дел» формы НЗ за 1989–2010 годы.
6. <http://www.mvd.ru – press-interview-7774>.
7. См.: Варыгин А.Н. Преступность сотрудников органов внутренних дел и воздействие на нее. Саратов, 2003. С. 45.
8. См.: Агапов А.П. Криминологическая характеристика бандитизма // За диктатуру закона. Проблемы региональной безопасности: Общественно-политический альманах. Вып. 3. Саратов, 2000. С. 87.
9. Российская газета. 2002. 7 авг.
10. Клейменов М.П. Указ. соч. С. 15.
11. См., например: Варыгин А.Н. Указ. соч. С. 208-209.
12. См.: Состояние преступности в России за январь-декабрь 2012 года URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics>
13. Лунеев В.В. Преступность в России: тенденции, эффективность борьбы, прогноз//Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный альманах. 2003. №.3. С. 100.
14. Ермаков В.Д. Масштабы латентной преступности в Российской Федерации и ее криминальная сущность//Криминология: общетеоретические и прикладные проблемы. М., 2008. С. 74.

